

УДК 94(470.55/.58)9

НАЧАЛО XX ВЕКА КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

П. В. Панькин

Саратовский государственный университет
E-mail: 213rankinp@mail.ru

В статье рассматривается положение Уральского казачьего войска накануне и во время революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Автор пытается обозначить ключевые задачи, которые могут помочь в разрешении проблемы определения причин взаимного неприятия уральских казаков и советской власти.

Ключевые слова: уральское казачество, революция, советская власть, гражданская война, казахи, исторические источники.

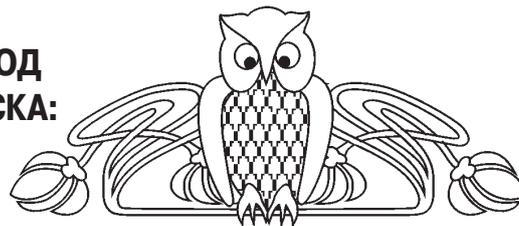
The Beginning of the XXth Century as the Critical Moment in the History of the Ural Cossacks: the Positing of the Problem

P. V. Pankin

The article tells about the role of the Ural Cossacks before and during the revolution of the 1917 and the civil war in Russia. The author points out the key issues, with may help to solve the problem of finding the reasons of the mutual hostility between the Ural Cossacks and the Soviet authority.

Key words: Ural Cossack army, revolution, Soviet authority, civil war, Kazakhs, historical sources.

История уральского казачества – одна из слабоизученных тем современной отечественной исторической науки. Связано это, по всей видимости, с тем обстоятельством, что территория Уральского войска большей частью находится в составе Республики Казахстан. Это «освобождает» российских исследователей от более глубокого рассмотрения вопросов истории уральцев. Научные изыскания в настоящее время касаются, прежде всего, Донского, Кубанского, Оренбургского и др. войск, входящих в государственный реестр казачьих войск. В этой связи справедливы слова А. М. Дубовикова, одного из немногих российских историков, занимающихся историей уральских казаков: «...имеется объективная необходимость исследования различных аспектов Уральского казачьего войска в их взаимосвязи и взаимовлиянии по их состоянию на начало XX века»¹. Казахстанские историки также не стремятся к её изучению по причине негативного отношения к казачеству как таковому. Многие из них зачастую даже позволяют себе ненаучные обороты и необоснованные обвинения в адрес казаков: «Вся история казачества пропитана слезами и кровью сопредельных народов, агрессивность к иноязычным народам является его основой основ»². Певсив на казаков ярлык «кровавых колонизаторов»,

казахстанские историки тем самым отказались от сколь-нибудь серьезного отношения к данному вопросу. В свою очередь, допущение казахстанскими исследователями фраз о том, что «...колониальная политика России мало чем отличалась от политики, проводимой на захваченных землях англичанами, французами, португальцами»³, делает уже их изыскания малоинтересными для серьезных историков.

Такое положение дел приводит к крайне низкой степени изученности данного вопроса. Однако актуальность научной проблемы, связанная с возрождением и активизацией казачьих организаций, призывает ученых к более глубокому рассмотрению истории казачества вообще и уральцев в частности. Уральцы являются нашими соотечественниками, что также побуждает детальнее посмотреть на их прошлое. Обращение к переломному, революционному периоду истории на фоне современного интереса к событиям революции 1917 г. и Гражданской войны актуализирует изучение событий этого периода на Урале.

В предреволюционные годы основой хозяйства Уральского войска оставалась рыбная ловля. Уловы постоянно падали на фоне количественно растущего населения, что приводило к большим проблемам. Закостенелость войсковой экономики приводила к хозяйственным кризисам, а через них – к социальному конфликту между различными слоями населения⁴. Дело в том, что значительную часть населения области составляли так называемые «иностранцы» – русские, которые не были казаками. Они не имели общинных привилегий, поэтому занимали другие ниши (торговля, производство и т. д.), вследствие чего передовые формы производства, которые не зависели от природных условий так, как рыболовство, скотоводство, земледелие, находились в руках у «неказаков». Но, так или иначе, наличие общинного владения землей давало возможность казакам заниматься другими видами экономической деятельности в случае необходимости. В период установления советской власти это могло стать причиной неприятия и непонимания лозунгов о передаче земли народу, так как земельный массив Уральской области всегда находился под контролем общины.

В декабре 1917 г. на съезде выборных делегатов от станиц было принято решение не признавать большевистское правительство⁵. Активное сопротивление уральцев началось только в 1918 г. Связано это было с тем, что к тому времени было

сломлено сопротивление оренбургских казаков, принявших первый удар на себя⁶. После этого Советское правительство ультимативно потребовало своего признания уже от уральцев. При этом, как вспоминал генерал Оренбургского казачьего войска И. Г. Акулин, «Одновременно с ультиматумом из Оренбурга был направлен в Уральскую область большевистский отряд, который, заняв Илецкий городок (современный Илек. – П. П.), предался грабежам и насилиям»⁷. Так большевики, возможно, предвидя ответ из Уральска, начали войну против уральских казаков. Данное обстоятельство предопределило дальнейшие отношения между войском и большевиками.

Ответом советской власти на отказ казаков принять новый режим стал беспрецедентный по своим масштабам геноцид против уральцев. Сохранились описания событий, которые происходили после взятия большевиками Уральска. К примеру, Л. Мяснянов вспоминал о некоей Розе Бух, которая «...вынеся стул на Урал, преспокойно села на него перед большой прорубью и пристреливала собственноручно всех, которых приводили к ней красноармейцы, и трупы их стаскивали под лёд»⁸. Перешедший на сторону новой власти казак Ружейников докладывал: «В ночь на 6–7 мая 1919 г. из содержащихся в Уральской тюрьме 350–400 человек 9-го и 10-го Уральского казачьего полка, перешедших на нашу сторону еще в марте 1919 г. с оружием в руках, было расстреляно 100–120 человек – две камеры – без всякого разбора и суда и брошено в Урал лишь потому, что в случае эвакуации г. Уральска у нас не было в то время достаточного количества конвоя»⁹. Результатом государственного террора против казачества стало то, что с последним уральским атаманом, В. С. Толстовым, смогли покинуть Россию не больше сотни человек¹⁰. Стоит также отметить, что параллельно истреблению войска центральная власть постоянно пыталась привлечь казаков на свою сторону. Агитационная листовка декабря 1919 г. уверяла: «Всем казакам, а равно и иногородним, сражающимся против Красной Армии, гарантируется полная личная безопасность и забвение всех проступков, совершённых против Рабоче-Крестьянской России, при условии немедленного изъявления ими организованно или отдельными группами покорности Советской Власти и сдачи оружия»¹¹. Как показывает приведенный выше отрывок из доклада Ружейникова, эти уверения были не более чем ловушкой. Бедственность положения оставшихся жителей бросалась в глаза даже новой власти. Один из представителей губернского революционного комитета так описал окрестности бывшей войсковой столицы: «Проездом из Лбищенска до Калмыкова представилась вся картина ужасного разрушения посёлков. Большинство жилых построек, не говоря уже о надворных, совершенно разрушены: сняты крыши, выставлены рамы, двери, полы выломаны и видимо всё, что было из

дерева, пошло на топку, жалкие убогие лачужки, приспособленные для жизни наспех, не могут, конечно, оставаться в таком виде на зиму, и если не будет обращено на это срочно внимание, то к осени нужно ждать поголовного переселения в Уральск и другие более-менее ещё сохранившиеся посёлки губернии»¹². Крайне важно рассмотреть ход этого геноцида для понимания причин усугубления негативного отношения уральцев к Красной Армии и невозможности изменения ими решения о сопротивлении. Тем более, что это истребление было вызвано не просто необходимостью военного времени. Данная политика была прописана и обоснована на официальном уровне, что подтверждают документы губревкома: «Советская власть не вернёт казакам прежних их прав и преимуществ, она ставит вопрос с казачеством в плоскость расказачивания их, лишения всех прав и преимуществ, а так как классовая борьба возникает как защита интересов и преимуществ, то ясно, что казаки будут сражаться открыто или скрыто за свои привилегии, и Советская власть должна поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и как подобного к нему красного террора»¹³.

Революция на Урале резко поменяла не только социальную стратификацию, но и национальную. В борьбе с казачеством советская власть активно использовала националистический подход. Зная дореволюционные проблемы во взаимоотношениях уральцев и их кочевых соседей, казахов, новая власть решила разжечь прошлые конфликты. Для этого был найден самый короткий путь: территория Уральского войска, географически лежавшая между двумя зонами обитания казахов (Букевской ордой и левобережьем реки Урал), была объявлена казахской, что, по сути, повторяло план деятелей Алаш-Орды¹⁴. Казаки, таким образом, автоматически становились чужеродным элементом на собственной земле. Необходимо понимать, что насаждение «государственности» казахского народа на этой территории было искусственным. Советская власть придавала своим национальным лозунгам красивую форму: «Киргизская степь, почти вся Зауральная сторона должна воссоединиться с тем колоссальным пространством, которое на восток от области занимает киргизское население...»¹⁵ Местная казахская верхушка, которая частью своей была образованной, понимала, что самым правильным решением будет принятие стороны явного победителя в войне. Поэтому, забыв свои дружеские отношения с казаками, она поспешила заверить новую власть в своей лояльности. К тому же покорность давала возможность получить обжитые казачьи земли. В результате, в адрес большевизма во множестве поступали «верноподданнические» сообщения, составленные без участия самих большевиков: «Адайцы, табынцы и другие кочевники всегда стояли на стороне трудящихся и, в течение трёхлетней гражданской войны, будучи оторваны от русского народа, не

запятнали себя позорным пятном поддержки белогвардейским бандам, разорившим и расхитившим благосостояние Киргизского Края. Ныне же, по уничтожению белогвардейцев и при создавшейся таким образом возможности прямого общения, адайцы, табынцы и другие кочевники изъявляют радостную готовность слиться со всем киргизским народом, объединившимся под знаменем РСФСР на условиях государственной автономии Киргизского Края»¹⁶. На деле словесный пафос с обеих сторон только маскировал реальные отношения между советским правительством и новым «освободившимся» народом. Власти прекрасно понимали, с чем они столкнулись: «...киргизы в общей своей массе по патриархальности своей жизни представляют из себя сырой материал для лучшей обработки...»¹⁷ Важно заметить, что несмотря на то что казачество в это время являлось главным объектом преследований, а казахам обещалось всяческое «восстановление» их прав, попранных «эксплуататорами», никто не ставил перед собой цели дать казахам свободу воли. Они, как и казаки, должны были измениться для того, чтобы продолжить свою жизнь в новых условиях: «Констатируя, что традиционно-бытовой уклад жизни лишь в процессе социально-экономического возрождения края сможет быть изжит, мы считаем необходимым в то же время использовать всё значение (карательное, воспитательное) и силу пролетарского суда для недопущения дальнейшего развития безобразных, уродливых явлений в жизни киргиз, тормозящих Советскую работу по оздоровлению края»¹⁸. Вполне предсказуемо в данной ситуации было то, что мнение казахов, как и казаков, по поводу изменения их традиционных укладов, никого не интересовало. Понимание и более глубокое изучение этих фактов раскроет многие аспекты условий, в которых оказались уральские казаки после 1917 г.

Источниковая база исследуемого вопроса представляется достаточно широкой. Главной группой источников являются документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Западно-Казахстанской области (ГАЗКО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Различные материалы, содержащиеся в фондах центральных и местных архивов, затрагивают все стороны жизни войска рассматриваемого периода, причем многие из них до настоящего времени ещё не введены в научный оборот.

Другая группа источников – документы, опубликованные в сборниках, таких как «Документы по истории гражданской войны в СССР», «Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». Определенные сведения о казачьей области накануне револю-

ции можно почерпнуть из памятных книжек и адрес-календарей Уральской области за 1910–1915 гг.

Богатый материал дают воспоминания казачьих офицеров, оказавшихся в эмиграции (В. С. Толстова, Л. Масянова, Б. Н. Кирова, П. А. Фаддеева). Немаловажными при рассмотрении данной темы представляются и воспоминания большевиков, принимавших участие в подавлении уральской казачьей вольницы. В этой связи, например, крайне полезен труд И. Кутякова «Разгром Уральской белой казачьей армии», в котором автор детально описывает военные операции против казаков¹⁹. Обстановка, царившая на войсковой территории, также отражена в периодических изданиях: «Уральские войсковые ведомости», «Яицкая воля», «Яицкая правда», «Красный Урал».

Таким образом, при опоре на широкий круг источников представляется возможной научная попытка выявления причин неприятия уральцами новой власти и уничтожения советской властью Уральского казачьего войска в годы революции и гражданской войны. Сделать это можно, определив социально-экономическое состояние Уральского войска накануне событий 1917 г., а также приняв во внимание взаимоотношения непокорного казачества и большевизма.

Примечания

- ¹ Дубовиков А. М. Уральское казачество в пореформенный период 1861–1904 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 12.
- ² Бесбаев М. С. Зигзаги истории. Алма-Ата, 2007. С. 93.
- ³ Рысбеков Т. З. Диалог с историей. Уральск, 2004. С. 60.
- ⁴ См.: Фокин Н. И. Уральск православный. Уральск, 2010. С. 195.
- ⁵ См.: Клавинг В. Гражданская война в России : белые армии. СПб., 2003. С. 357.
- ⁶ См.: Акулин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками. Б. м., 1927. С. 122.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Масянов Л. Гибель уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. С. 122.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 30. Л. 16.
- ¹⁰ См.: Масянов Л. Указ. соч. С. 158.
- ¹¹ ГАЗКО. Ф. 653. Оп. 2. Д. 4. Л. 54 об.
- ¹² Там же. Д. 5. Л. 2 об.
- ¹³ Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 116 об.–117.
- ¹⁴ См.: Боцагов А. К. Алаш орда. Кызыл-Орда, 1927. С. 42.
- ¹⁵ ГАЗКО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 117.
- ¹⁶ Там же. Ф. 653. Оп. 2. Д. 5. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 75.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 75.
- ¹⁹ См.: Кутяков И. Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931.